

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2022.98.99.002

Развитие представлений о правах на недра в дореволюционной цивилистике

Суклин Никита Тимофеевич

Аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
107078, Российская Федерация, Москва, пер. Б. Харитоньевский, 22-24;
e-mail: niksuklin@gmail.com

Аннотация

Современная российская модель использования подземного пространства основана на геометрическом подходе к определению недр: недра – все, что ниже определенной глубины. При этом недра являются государственной собственностью, и их использование (в том числе в целях строительства) регулируется публичным правом. Такой подход является наследием советского права, дореволюционное регулирование строилось на других началах. Цель статьи – изучение, с опорой на дореволюционную научную литературу и судебную практику, представлений о правах на подземное пространство в дореволюционной цивилистике. Методы исследования: общенаучный диалектический метод познания и частнонаучные методы (историко-правовой, сравнительный, системный, технико-юридический). В результате исследования выявлено, что до 1917 года российская модель использования подземного пространства строилась на началах акцессии, признавая все подземное пространство (включая полезные ископаемые) принадлежностью земельного участка. При этом позитивное право подвергалось в литературе критике как тормозящее развитие горной промышленности. Ряд авторов предлагали изъять из власти собственника земельного участка подземное пространство, содержащее полезные ископаемые, и подчинить его использование публичному праву. При этом использование подземного пространства для других нужд (например, строительства) продолжало регулироваться частным правом. Сделан вывод о том, что подход к правовому регулированию использования подземного пространства, предложенный дореволюционными цивилистами, может помочь в усовершенствовании действующего законодательства и пересмотре геометрического подхода к определению недр.

Для цитирования в научных исследованиях

Суклин Н.Т. Развитие представлений о правах на недра в дореволюционной цивилистике // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 8А. С. 17-26. DOI: 10.34670/AR.2022.98.99.002

Ключевые слова

Недра, подземное пространство, участок недр, земельный участок, принадлежность, составная часть, право пользования недрами, дореволюционная цивилистика.

Введение

В условиях современного интенсивного развития крупных городов большое значение приобретает правовое регулирование использования подземного пространства. Как свидетельствуют ученые-урбанисты, использование подземного пространства – это уже не просто один из возможных, а безальтернативный вариант развития городов-мегаполисов. Очевидно, задача юристов в этом процессе – установление такого режима подземного пространства, который будет способствовать активному его использованию, в том числе для застройки.

При этом в современной юридической науке эта тема не получает того внимания, которое соответствует ее значимости. Как справедливо отмечается в литературе, земельные участки являются главным видом недвижимых вещей и, соответственно, объектом подавляющего большинства вещных прав [Суханов, 2017]. С этим трудно не согласиться. Однако, как известно, в отечественном правовом порядке существует и такая категория недвижимых вещей, как участки недр.

Современная отечественная модель использования подземного пространства основана на двух базовых нормах: во-первых, разграничение земельных участков и находящихся под ними недр происходит по пространственному (геометрическому) критерию, сущность которого можно выразить формулой: недра – все, что ниже определенной глубины (Преамбула Закона РФ от 21 февраля 1992 г № 2395-1 «О недрах» (далее – Закон «О недрах»)); во-вторых, недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью (ч. 1 ст. 1.2 Закона «О недрах»).

Таким образом, по ныне действующему законодательству все, что находится ниже определенной глубины под поверхностью земли, является государственной собственностью и подчинено административно-правовому регулированию. Публичный собственник выделяет из всего массива подземного пространства определенные пространственные объемы, служащие достижению конкретных хозяйственных задач, (при этом эти задачи могут быть совершенно не связаны с добычей полезных ископаемых, например строительство подземных сооружений) – участки недр, предоставляемые частным лицам в лицензионном порядке.

Это неизбежно вызывает ряд достаточно сложных и, как показывает практика, не решенных до конца вопросов, среди которых юридическая связь между правом на участок недр и правом на расположенный над ним земельный участок; отсутствие критериев, которым должно соответствовать сооружение для квалификации его в качестве подземного.

Нынешнее регулирование, как показывает обращение к истории развития правового регулирования недропользования, – плод советского права. До революции 1917 года регулирование было совершенно иным: право собственности на поверхность, по общему правилу, не отделялось от права на подземное пространство, и использование подземного пространства регулировалось нормами гражданского права.

Анализ дореволюционного развития института правового регулирования недропользования приобретает большое значение в связи с тенденциями современной юридической дискуссии. Юридическим сообществом все чаще отмечается необходимость сокращения разрыва между частными и публичными началами в правовом регулировании использования подземного пространства. Ограничимся иллюстрацией из Концепции развития гражданского законодательства РФ: «В ГК также надо включить нормы, регламентирующие право

собственности на такие объекты, как участки недр ... Право собственности на эти объекты должно подлежать государственной регистрации в ЕГРП. К такому праву следует в субсидиарном порядке применять нормы о праве собственности на земельные участки» [Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, 2009].

Итак, в рамках настоящей статьи попытаемся провести обзор представлений о правах на недра в дореволюционной цивилистике, надеясь, что размышления, вызванные рассмотренным материалом, позволят найти новые подходы к совершенствованию ныне действующего законодательства.

Обширный корпус дореволюционной литературы, посвященный интересующей нас теме, можно разделить на две части: во-первых, это труды, специально посвященные институту недропользования (С.С. Абамелек-Лазарев, А.А. Штоф, В.А. Удинцев, А.Е. Яновский), во-вторых, общие работы по вещному праву, касающиеся, в большей или меньшей степени, вопросов недропользования (Е.В. Васьковский, К.П. Победоносцев, Л.А. Кассо). Важно в рамках настоящей работы обратить внимание и на материалы дореволюционной судебной практики, а именно решения высшей инстанции по гражданским делам – Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. Будет уделено внимание и проекту Гражданского уложения Российской империи, обобщившему развитие дореволюционного гражданского права.

Основная часть

Формирование специальной нормативной базы, регулирующей отношения недропользования, принято связывать в литературе с деятельностью Петра I, который, стремясь создать в России горную промышленность, издает в 1719 году указ, известный под именем Берг-привилегии [Абамелек-Лазарев, 1902, 28]. Согласно этому указу, в стране вводился принцип горной свободы, в соответствии с которым недра рассматриваются как *res nullius*, бесхозная вещь, которая никому не принадлежит и потому каждый может начать заниматься добычей, даже если полезные ископаемые находятся под чужой землей.

Очевидно, о каком-либо догматическом обосновании такого регулирования говорить не приходится. Для затеянной императором стремительной модернизации страны необходимо было огромное количество ресурсов, в том числе и полезных ископаемых. В этих целях Петром и был заимствован исконно немецкий институт горной свободы (*Bergbaufreiheit*), по правилам которого властитель мог, обложив добычу каких-либо полезных ископаемых податью, объявить их добычу свободной (*Freierklärung*), то есть позволить каждому осуществлять разведку и добычу этих полезных ископаемых на любых, даже частных, землях, при условии выплаты подати в казну и компенсации землевладельцу (горная свобода) [Штоф, 1882, 7-11].

Однако этот искусственно заимствованный без всякой предварительной подготовки институт не прижился в России: как свидетельствует на основе анализа исторических источников исследователь горного права рубежа XIX–XX веков С.С. Абамелек-Лазарев, закрепленная на законодательном уровне горная свобода на практике не применялась, и «до нас не дошло ни одного примера ее применения, напротив – есть положительные доказательства, что она совсем не применялась» [Абамелек-Лазарев, 1902, 30].

Поэтому закономерен следующий этап развития правового регулирования использования подземного пространства: 28 июня 1782 года Екатериной II издается манифест «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и

в недрах ее содержащиеся», в соответствии с которым право собственности каждого в его имении распространяется «не на одну поверхность земли ...; но и в сами недра той земли». В законодательстве закрепляется действовавший вплоть до 1917 года так называемый принцип акцессии: все, что находится под поверхностью земельного участка (в том числе полезные ископаемые), принадлежит собственнику земельного участка.

Отметим, что это относилось только к тем земельным участкам, которые находились в частной собственности. В отношении же так называемых казенно-свободных земель (то есть тех земель, (1) относительно которых не было заявлено притязаний частных лиц, (2) которые не были уже предоставлены кому бы то ни было для разведки или добычи полезных ископаемых, (3) которые не состояли в чем-либо бессрочном пользовании) продолжал действовать принцип горной свободы [Штоф, 1896, 16-17].

В отличие от петровских преобразований, эти новеллы имели серьезное правовое обоснование. Дело в том, что такое регулирование соответствовало взглядам, господствовавшим в мировой правовой науке того времени, которые, безусловно, были известны и российским законодателям.

Так, один из наиболее влиятельных английских юристов Уильям Блэкстон (1723–1780) в своем фундаментальном труде «Комментарии к английским законам» (англ. *Commentaries on the Laws of England*) высказал мнение, согласно которому собственность на земельный участок распространяется не только на воздушное пространство, «но и вниз; все, что находится на прямой линии между поверхностью любого земельного участка и центром земли, принадлежит владельцу поверхности; это подтверждает опыт горнодобывающих стран. Слово «земля» включает в себя не только поверхность земли, но и все, что находится над ней и под ней» [Sprankling, 2008, 986].

Введенное в екатерининские времена регулирование получило дальнейшее развитие в более поздних нормативно-правовых актах, причем не только в специальных законах в сфере недропользования, но и в гражданском законодательстве. Так, интересующий нас вопрос раскрывается в Своде законов гражданских, в соответствии со ст. 424 которого по праву полной собственности на землю владелец ее имеет право на все произведения на поверхности ее, на все то, что заключается в недрах ее, на воды, в пределах ее находящиеся, и, словом, на все ее принадлежности.

Таким образом, дореволюционный законодатель называет недра принадлежностями земельного участка. Однако необходимо учитывать специфику тогдашнего законодательства: как отмечалось, например, Е.В. Васьковским, «постановления нашего законодательства крайне неудовлетворительны ... оно смешивает придаточные вещи (то же, что и составные части вещи) с принадлежностями, и те и другие называя одинаково «принадлежностями». Вследствие этого юридическое положение обоих этих видов вещей приходится считать по нашему праву одинаковым» [Васьковский, www].

Выходит, из-за неопределенности законодательных формулировок мы не можем в полной мере понять, чем дореволюционный законодатель считал недра – принадлежностью земельного участка или его составной частью. Между тем правильное определение правовой природы недр имеет большое значение. Действительно, как отмечает, например, К. Хофакер, составная часть – это вещь, без которой образуемая вещь не сможет соответствовать своему назначению; принадлежность – это, напротив, вещь, которая может существовать самостоятельно и которую вынудили с другой вещью к продолжительной связи: так, по римскому праву, главная вещь и принадлежность (*instrumentum*) не образовывали единый объект вещного права [Леонтьева,

2011, 125]. Выходит, будучи принадлежностью, недра имеют потенциальную возможность быть юридически отделенными от права собственности землевладельца, поскольку известно, что «можно приобрести вещь и владеть ей и без принадлежностей» [Победоносцев, 2002, 116].

Подобные размышления, хоть и выглядят на первый взгляд схоластическими, в действительности имеют серьезное догматическое и практическое значение. Как показывает анализ судебной практики гражданского департамента Правительствующего Сената, в конце XIX – начале XX века стала очевидна потребность в создании такой правовой конструкции, которой бы оформлялось право горнопромышленника добывать полезные ископаемые под чужой землей. И высшая судебная инстанция Российской империи при создании этой конструкции опиралась на правовую природу недр как принадлежности земельного участка, что, однако, часто критиковалось в литературе тех лет. Предлагаем рассмотреть два наиболее показательных дела, а затем изложить их критику, высказываемую учеными тех лет.

В первом деле (так называемое дело Кожина) перед Сенатом встал следующий вопрос: может ли собственник имения передать принадлежащее ему право на содержащиеся в недрах его земли ископаемые посредством договора купли-продажи, или такая передача может быть совершена только путем договора аренды на землю этого имения. Сенат установил, что если в соответствии с договором собственник передает другому контрагенту права «на разработку и добывание в свою пользу железно-рудных и других всякого рода ископаемых в недрах имения, с предоставлением покупщику извлекать приобретаемые по договору ископаемые впредь до полной выработки и истощения таковых», то подобное соглашение имеет все признаки продажи. При этом, так как купившая ископаемые сторона приобретает на них право собственности по мере их извлечения и отделения от земли, такой договор является куплей-продажей движимости. Сенат дополнительно указал, что подобная квалификация договора не изменится даже от включения в число его условий предоставления покупателю права владения и пользования некоторым пространством поверхности земельного участка (например, для размещения инфраструктуры) [Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1902 год, 1911, 76-82].

В рамках второго дела был поставлен следующий вопрос: может ли собственник земельного участка, продавая землю, оставить за собой вечное право разрабатывать ее недра и пользоваться для этой цели ее поверхностью? Сенат утвердительно ответил на этот вопрос: поскольку недра являются принадлежностью земельного участка, то «право на заключающиеся в недрах земли ископаемые составляет лишь одно из последствий, *но не составную часть права собственности на землю* (курсив автора – Н.С.), а так как, по праву собственности, собственнику принадлежит право распоряжения своею собственностью без всякого постороннего вмешательства, то и не может быть оспариваемо право собственника отделить от принадлежащей ему по праву собственности поверхности земли принадлежащую ему, по тому же праву, принадлежность этой земли». Отделение это может быть проведено им как физически, так и юридически. Таким образом, приобретаемое новым собственником право собственности на землю ограничено правом на разработку ископаемых. Далее Сенатом отмечено на сходство этого дела с делом Кожина: в обоих случаях право на поверхность земли и право на разработку недр разъединены и в таком виде составляют самостоятельные права двух лиц; в обоих случаях нет речи о совместной собственности двух лиц на одну и ту же вещь и продажи части неделимой вещи [Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1903 год, 19093, 180-182].

Итак, судебная практика тех лет исходила из того, что недра являются принадлежностью

земельного участка, вследствие чего они могут быть юридически отделены от права собственности землевладельца. Такая позиция подвергалась критике в литературе того времени. Самая обоснованная, на наш взгляд, критика прозвучала от В.А. Удинцева. Он не только указал на недостатки тогдашнего законодательства и правоприменительной практики, но и выдвинул свою теорию. Рассмотрим его точку зрения.

В.А. Удинцев отмечает, что «законы Гражданские не вполне различают понятие принадлежности вещи от понятия составной части вещи. Недр земные нельзя считать принадлежностями еще и потому, что для понятия принадлежности требуется единство хозяйственной цели, которой служит главная вещь и принадлежность» [Удинцев, 1909, 33]. Переходя далее к критике решения по делу Кожина, указанный автор отмечает, что пока полезные ископаемые не отделены от залегающих под землей пластов, то они не способны быть предметом собственности – ни индивидуальной, ни общественной. В соответствии с этим, у земельного собственника есть не право собственности на недра, так как «установление права собственности на объект, не имеющей физической возможности по своей неопределенности и безграничности фигурировать в гражданском обороте, невозможно», а право на разработку недр. Наконец, на завершающем этапе оформления этой правовой конструкции необходимо определить соотношение между этим правом на разработку недр и правом собственности на земельный участок. На этом этапе В.А. Удинцев приходит к тому, что право на разработку недр необходимо квалифицировать как существенную составную часть права собственности на земельный участок, которая неотделима от земельной собственности. Однако далее делается оговорка: частичная реализация этого права, всегда конкретная, всегда в отношении определенного полезного ископаемого, может быть установлена и для постороннего горнопромышленника, но из этого не следует, что он получает право на недра полностью, поскольку собственник земельного участка не лишается юридической возможности также пользоваться недрами [там же, 37-38].

Похожую, но теоретически менее сложную конструкцию предлагал и Л.А. Кассо. Он, анализируя второе из рассмотренных нами дел, делал вывод о том, что такое дробление правомочий неправильно по существу и ненужно практически. Горнопромышленник приобретает только право на добычу, но подземное пространство продолжает быть собственностью того лица, которому принадлежит поверхность. Действительно, он не может использовать подземное пространство для иных целей (например, строительства винного погреба), а когда месторождение полезного ископаемого иссякает, то и право горнопромышленника прекращается. Таким образом, это право на добычу полезных ископаемых под чужой землей является ничем иным, как правом на чужую вещь [Кассо, 1906, 86-87].

Еще радикальней относились к действовавшей системе недропользования авторы, предлагавшие ввести вновь принцип горной свободы: такой порядок вещей, при котором полезные ископаемые изъяты из власти собственника поверхности и «всякому предоставляется производить поиски и разведки руд на чужой земле, помимо согласия на то вотчинника, под условием предварительного на то заявления надлежущим властям» [Яновский, 1900, 7-8]. Эта группа исследователей, таким образом, шла дальше исправления юридико-технических недостатков существовавшей системы недропользования, предлагая положить в ее основу иной принцип.

Не можем, в связи с этим, не привести интересный пример, который приводил один из авторитетных ученых, придерживавшихся таких взглядов, А.А. Штоф. Он критиковал

регулирование, при котором собственнику поверхности принадлежит все подземное пространство, включая полезные ископаемые, предлагая сравнить его с умозрительной ситуацией, при которой крыша многоквартирного дома разделена на участки, которые вовсе не соотносятся с расположением квартир, и владелец каждого такого участка вправе сдавать в наем те части квартир во всех этажах, которые находятся вертикально под ним [Штоф, 1908, 8]. Несложно догадаться, что под участками крыши указанный ученый подразумевал земельные участки, а под квартирами – месторождения полезных ископаемых.

Стоит, для полноты картины, отметить и наиболее радикальных участников рассматриваемой дискуссии. Они были представлены социалистами, которые выдвигали лозунги об обобществлении, то есть национализации всех полезных ископаемых, которое было бы демократическим и децентрализованным [там же].

Однако существовавшее положение дел имело и немало сторонников. Одним из самых влиятельных авторов, отстаивавших консервативную позицию, был С.С. Абамелек-Лазарев – князь, один из богатейших горнопромышленников России, а по совместительству и исследователь горного права. Этот ученый, критикуя позицию сторонников горной свободы, отмечал, что будущее не за умалением, а, напротив, расширением прав собственника земельного участка, предлагая, основываясь на практике Сената, закрепить в законодательстве возможность продавать, дарить, завещать по желанию собственника поверхность земли отдельно от ее недр и недра отдельно от их поверхности [Неклюдов, 2014, 238-239].

Наконец, в русле поиска новой модели недропользования лежит и попытка исправить неточность законодательства создателями проекта Гражданского уложения. Они, на основании уже приводившейся ст. 387 Свода законов гражданских, образовали ст. 145 проекта: «В составе земель считаются недвижимым имуществом: воды, в них находящиеся (реки, озера, пруды и источники), и сокровенные в недрах земли ископаемые, а также стоящие на корню деревья и прочие произрастания, доколе они от земли не отделены». Как отметили разработчики в пояснительной записке, достоинство такого изложения указанной нормы заключается в том, что «понятие «принадлежности» отлечено от понятия о «составных частях» земли, признаваемых недвижимым имуществом, доколе они от земли не отделены» [Проект книги первой Гражданского уложения с объяснительной запиской, 1895, 353].

Заключение

Итак, обобщим анализ дореволюционного этапа развития отечественной модели использования подземного пространства. На уровне высшей судебной инстанции существовала устойчивая практика признания недр принадлежностью земельного участка. Это давало собственнику земельного участка максимальную власть над подземным пространством под земельным участком: он мог сдать его в аренду, продать, отделив юридически от земельного участка. Равным образом, он мог быть вообще не заинтересован как в добыче полезных ископаемых, так и в передаче права на добычу третьему лицу, что, по мнению ряда ученых, не отвечало запросам бурно развивавшейся промышленности. Довольно точно недостатки этой модели выразил Л.А. Кассо: «Предполагается, что признание исключительного или даже преимущественного права на недра в пользу собственников поверхности не соответствовало бы ни экономическому положению, ни технической его подготовленности, и что, наоборот, произвол этих лиц и неудовлетворительность их средств может тормозить желательную инициативу посторонних предпринимателей и тем самым лишать общество полезных благ»

[Кассо, 1906, 83].

Именно поэтому в конце XIX – начале XX века в науке начинается весьма оживленная дискуссия о том, какой должна быть максимально сбалансированная модель использования подземного пространства: и отвечающая частным интересам собственника земельного участка, и удовлетворяющая общественный интерес, а кроме этого, еще и удачно выстроенная с юридико-технической точки зрения. При этом под недрами понимались лишь полезные ископаемые: как показывает приведенный анализ дореволюционной литературы, исследователи тех лет были далеки от геометрического критерия определения недр, и возможность подчинения публичному праву использования подземного пространства для нужд, не связанных с горнодобычей (например, для строительства), в дискуссии тех лет вовсе не обсуждалась. Эта дискуссия была прервана революцией 1917 года.

Дореволюционное право было основано на началах акцессии, распространяя (причем неограниченно) власти собственника земной поверхности на недра, считая недра принадлежностью земельного участка. Однако такое регулирование тормозило развитие горной промышленности, в связи с чем в начале XX века начинается оживленная дискуссия о реформе законодательства, предусматривающей подчинение деятельности по добыче полезных ископаемых специальному законодательству. При этом дореволюционные юристы понимали недра не геометрически (недра – это все, что ниже определенной глубины), а функционально (недра – это части подземного пространства, заключающие в себе полезные ископаемые). Регулирование законодательством о недропользовании строительства подземных сооружений, существующее в современном российском правовом порядке, в дореволюционной цивилистике вовсе не обсуждалось, и предполагалось, что такое использование подземного пространства должно регулироваться нормами частного права. Возможно, взгляды дореволюционных цивилистов будут востребованы при реформировании ныне действующего законодательства и пересмотре геометрического подхода к определению недр.

Библиография

1. Абамелек-Лазарев С.С. Вопрос о недрах и развитие горной промышленности в XIX столетии. СПб., 1902. 398 с.
2. Вовчок В. Недра земли в России и их обобществление (факты, цифры, выводы). СПб.: Труд и борьба, 1908. 164 с.
3. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/24/page_13.html.
4. Кассо Л.А. Русское поземельное право. М.: Правоведение, 1906. 260 с.
5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
6. Леонтьева Е.А. Концепция единого объекта недвижимости в германском гражданском праве // Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 2. С. 122-140.
7. Неклюдов Е. Влияние системы горного права на развитие металлургии: взгляд уральского заводчика // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 229-241.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. 800 с.
9. Проект книги первой Гражданского уложения с объяснительной запиской. СПб.: Гос. тип., 1895. 520 с.
10. Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1902 год. Екатеринбург, 1911. 286 с.
11. Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1903 год. СПб.: Сенатская типография, 1903. 214 с.
12. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
13. Удинцев В.А. Русское горноземельное право. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1909. 373 с.
14. Штоф А.А. Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и в главных горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб., 1896. 618 с.
15. Штоф А.А. Нужна ли нам «горная свобода»? Харьков, 1908. 24 с.

16. Штоф А.А. Сравнительный очерк горного законодательства в России и Западной Европе. Часть первая: главные основания горного и соляного законодательств. СПб, 1882. 224 с.
17. Яновский А.Е. Основные начала горного законодательства и пересмотр его в России. СПб, 1900. 162 с.
18. Sprankling J.G. Owning the Center of the Earth // 55 UCLA Law Review. 2008. No. 979. P. 979-1040.

The development of ideas about the rights to subsoil in pre-revolutionary civil law

Nikita T. Suklin

Postgraduate Student,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
107078, 22-24 Khariton'evskii lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: niksuklin@gmail.com

Abstract

The modern Russian model of the use of underground space is based on a geometric approach to the definition of subsoil: subsoil is everything below a certain depth. At the same time, the subsoil is state property, and its use (including for construction purposes) is regulated by public law. This approach is a legacy of Soviet law; pre-revolutionary regulation was based on other principles. The purpose of the article is the study, based on pre-revolutionary scientific literature and judicial practice, of ideas about the rights to underground space in pre-revolutionary civil law. Methods are the general scientific dialectic method of cognition and particular scientific methods (historical and legal, comparative, systemic, technical and legal). As a result of the study, it was found that until 1917, the Russian model of using underground space was built on the basis of an accession, recognizing all underground space (including minerals) as belonging to a land plot. At the same time, positive law has been criticized in the literature as hindering the development of the mining industry. A number of authors proposed to remove the underground space containing minerals from the power of the owner of the land plot and subordinate its use to public law. At the same time, the use of underground space for other needs (for example, construction) continued to be regulated by private law. The author concluded that the approach to the legal regulation of the use of underground space, proposed by pre-revolutionary civilists, can help improve the current legislation and revise the geometric approach to the definition of subsoil.

For citation

Suklin N.T. (2022) Razvitie predstavlenii o pravakh na nedra v dorevolyutsionnoi tsivilistike [The development of ideas about the rights to subsoil in pre-revolutionary civil law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (8A), pp. 17-26. DOI: 10.34670/AR.2022.98.99.002

Keywords

Subsoil, underground space, subsoil plot, land plot, affiliation, component part, right to use subsoil, pre-revolutionary civil law.

References

1. Abamelek-Lazarev S.S. (1902) *Vopros o nedrakh i razvitie gornoj promyshlennosti v XIX stoletii* [The question of subsoil and the development of the mining industry in the 19th century]. Saint Petersburg.
2. Kasso L.A. (1906) *Russkoe pozemel'noe pravo* [Russian land law]. Moscow: Pravovedenie Publ.
3. Kontsepsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009) [Concept of the development of the civil legislation of the Russian Federation (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation on codification and improvement of civil legislation of October 07, 2009)] (2009). *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 11.
4. Leont'eva E.A. (2011) Kontsepsiya edinogo ob"ekta nedvizhimosti v germanskom grazhdanskom prave [The concept of a single real estate object in German civil law]. *Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Journal of the Higher School of Economics], 2, pp. 122-140.
5. Neklyudov E. (2014) Vliyanie sistemy gornogo prava na razvitie metallurgii: vzglyad ural'skogo zavodchika [The influence of the mining law system on the development of metallurgy: the view of the Ural factory owner]. *Quaestio Rossica*, 3, pp. 229-241.
6. Pobedonostsev K.P. (2002) *Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava* [Civil law course. First part: Patrimonial rights]. Moscow: Statut Publ
7. *Proekt knigi pervoi Grazhdanskogo ulozheniya s ob"yasnitel'noi zapiskoi* [Draft book of the first Civil Code with an explanatory note] (1895). Saint Petersburg: Gos. tip. Publ.
8. *Resheniya Grazhdanskogo Kassatsionnogo Departamenta Pravitel'stvuyushche-go Senata za 1902 god* [Decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate for 1902] (1911). Ekaterinoslav.
9. *Resheniya Grazhdanskogo Kassatsionnogo Departamenta Pravitel'stvuyushche-go Senata za 1903 god* [Decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate for 1903] (1903). Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya Publ
10. Shtof A.A. (1882) *Sravnitel'nyi ocherk gornogo zakonodatel'stva v Rossii i Zapadnoi Evrope. Chast' pervaya: glavnye osnovaniya gornogo i solyanogo zakonodatel'stv* [Comparative essay on mining legislation in Russia and Western Europe. Part one: the main foundations of mining and salt legislation]. Saint Petersburg.
11. Shtof A.A. (1896) *Gornoe pravo. Sravnitel'noe izlozhenie gornykh zakonov, deistvuyushchikh v Rossii i v glavnykh gornopromyshlennykh gosudarstvakh Zapadnoi Evropy* [Mining law. Comparative presentation of the mining laws in force in Russia and in the main mining states of Western Europe]. Saint Petersburg.
12. Shtof A.A. (1908) *Nuzhna li nam "gornaya svoboda"?* [Do we need "mountain freedom"?] Khar'kov.
13. Sprankling J.G. (2008) Owning the Center of the Earth. *55 UCLA Law Review*, 979, pp. 979-1040.
14. Sukhanov E.A. (2017) *Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyi ocherk* [Property law: scientific and educational essay]. Moscow: Statut Publ.
15. Udintsev V.A. (1909) *Russkoe gornozemel'noe pravo* [Russian mining law]. Kiev: Tipografiya I.I. Chokolova Publ
16. Vas'kovskii E.V. *Uchebnik grazhdanskogo prava* [Textbook of civil law]. Available at: http://civil.consultant.ru/elib/books/24/page_13.html [Accessed 12/09/2022].
17. Vovchok V. (1908) *Nedra zemli v Rossii i ikh obobshchestvlenie (fakty, tsifry, vyvody)* [The bowels of the earth in Russia and their socialization (facts, figures, conclusions)]. Saint Petersburg: Trud i bor'ba Publ
18. Yanovskii A.E. (1900) *Osnovnye nachala gornogo zakonodatel'stva i peresmotr ego v Rossii* [Basic principles of mining legislation and its revision in Russia]. Saint Petersburg.